

18+

АЛЕКСАНДР БАЛЫБЕРДИН

НАКА НУНЕ

НАЗАД ЗА БУДУЩИМ
КОТОРОГО ТАМ НЕТ

Александр Балыбердин

Накануне

«Издательские решения»

Балыбердин А.

Накануне / А. Балыбердин — «Издательские решения»,

Он увлечен прошлым. Она создает будущее. Он любит родной город. Она мечтает из него уехать. Через подземный ход они переносятся на три века назад. Накануне пожара, который грозит все уничтожить. Удастся ли им спасти город? Смогут ли они полюбить друг друга? Как жить, если прошлого уже нет, а будущее еще не наступило?

© Балыбердин А.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1. Потеряшки	6
Глава 2. Неожиданная находка	10
Глава 3. Зачем люди женятся?	15
Глава 4. Хлынов, Вятка, Киров	16
Глава 5. Сретение	17
Глава 6. Между первым и вторым	20
Глава 7. Аня	22
Глава 8. Жизнь полна неожиданностей	24
Глава 9. Самое звонкое послушание	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Накануне

Александр Балыбердин

Иллюстрации Создано с помощью программы "Шедеврум"

© Александр Балыбердин, 2026

ISBN 978-5-0070-3990-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Потеряшки

— Командир! Так мы едем или как?

Рослый парень сверкнул гладко выбритым затылком, заглянул в кабину автобуса и бросил недовольный взгляд. Водитель в ответ только развел руками — мол, что я могу поделать? — и кивнул в сторону улицы, по которой нескончаемым потоком текла людская река.

— Ага! Понятно! — выдохнул парень. — Опять из-за этих сектантов город перекрыли!

— Ну, зачем Вы так? — уважительно спросила женщина, с интересом разглядывавшая пеструю толпу. — Это же паломники! Они за нас на Великую реку ходили, а теперь возвращаются домой!

— И что? — не собиравшись сдаваться парень. — За что им такая честь? Ходили, бродили, — он ухмыльнулся, явно рассчитывая на поддержку товарищей. — А у нас тут шашлындос киснет!

Парень поднял сумку и под одобрительные возгласы друзей потряс над головой.

— В самом деле! — поддержал возмутителя спокойствия мужчина в деловом костюме, непонятно как оказавшийся в рейсовом автобусе. — Что они полезного сделали? Да на них же пахать надо! Вон, смотрите, какой кабан идет!

Деловой кивнул на крупного, широкоплечего мужчину с густой окладистой бородой и огромным рюкзаком, на груди которого на ходу раскачивался небольшой образок святителя Николая. Мужчина обвел взглядом автобус, что-то сказал своему такому же широкоплечему и бородатому спутнику и через мгновение затерялся в толпе.

— Видели? — прошептала девушка, сидевшая рядом с предводителем веселой компании. — Видели, как он посмотрел? У меня прямо мурашки пробежали по телу.

— Наверное, это не мурашки, а клещи! — съязвил один из парней. — Говорят, в этом году их видимо-невидимо!

Девушка оторопело посмотрела на шутника, вскочила с места и начала бить себя по рукам и ногам, пытаясь стряхнуть воображаемых насекомых. Спутники засмеялись.

— Да, ну вас! — девушка махнула рукой и отвернулась к окну, изобразив обиду.

Одна из старушек, проходя мимо автобуса, улыбнулась и легонько постучала посохом по стеклу, словно приглашая пассажиров пойти следом. Водитель смущенно помахал ей рукой.

— Надо же! Да ей лет сто, не меньше! И эта туда же! А с внуками посидеть не допросишься! Точно! — раздались голоса.

— Так мы едем или нет? — взялся за свое парень.

Водитель покачал головой.

— Тогда высади! Тут не далеко, мы пешком дойдем!

— Не положено, — пробурчал водитель и скосился на стоявшую перед автобусом машину полиции.

— Не положено, — передразнил парень. — Тогда хотя бы дверь открой! Духотища!

Парень задрал футболку и вытер сырое от пота лицо. Отчего на его животе животе обнажилась накладка с какой-то непонятной, сделанной на латинице надписью.

— Нечего тут стриптиз устраивать! — одернула его пожилая женщина, сидевшая напротив и бережно, как ребенка, державшая ящик с рассадой.

— Верно! — поддержал ее муж, и с раздражением добавил. — Итак, уже почти всю Россию продали. Сталина на вас нет!

Парень опустил футболку и хотел было что-то сказать в ответ, но передумал, махнул рукой, пошарил в сумке, извлек банку пива, ловко щелкнул язычком и сделал несколько жадных глотков.

— Стой! Не положено!

По салону покати́лась людская волна — это кондуктор, расталкивая пассажиров, начала пробираться вперед, ближе к нарушителю порядка.

— Да что же это такое! — разразился тирадой мужчина интеллигентного вида, после того, как кондуктор, проходя мимо, едва не заехала ему локтем в лицо. — Кому-то все можно! Можно, посреди дня прямо по проезжей части шастать туда — сюда, а кому-то — мужчина театрально развел руками — только и слышно, ничего нельзя! Даже окно открыть! Как будто мы не люди? У меня, например, аритмия. Мне теперь здесь умереть что ли?

— В самом деле! Я буду жаловаться! Да сколько же можно над людьми издеваться! Откройте двери! Дайте выйти! — раздались голоса.

Водитель растерянно закрутил головой и нажал на кнопку. Открылась передняя дверь.

— Давай, вторую тоже открывай! Я курить хочу! — басом прорычал здоровенный детина в расстегнутой до пояса рубашке.

Кондуктор резко развернулась.

— А если кто без билета зайдет? Мне же не разорваться! Хочешь курить — иди вперед и выходи!

Представив, что здоровяк сейчас попрется через переполненный салон пассажиры переглянулись, но тут кто-то заметил:

— Последние идут! Скоро поедem!

Колонна значительно поредела. Если десять минут назад паломники шли плотными рядами, то теперь небольшими группами по пять-десять человек, которые из последних сил старались догнать ушедшую вперед икону, но не могли. Стоптаные ботинки. Опаленные солнцем лица.

Наконец, показался последний ходок — молодой священник в сером, местами затвердевшем от грязи и пота подряснике и длинной, помятой епитрахили. Глядя на то, с каким трудом ему давался каждый шаг, нетрудно было понять, что ноги ходока давно были стерты, причем сразу во всех местах, но он упрямо продолжал идти вперед.

Когда священник подошел ближе, Никита, все это время стоявший у передней двери, его узнал. Это был Валерка, как еще вчера называли его однокашники по семинарии, а теперь отец Валерий, рукоположенный в священный сан и направленный в глухое село, о котором даже в Википедии не было сказано ни слова. В чём радости было немного, и это, конечно, понимали все. Никита даже подумал, что отец Валерий отправился в ход неспроста, но чтобы помолиться о переводе на другое, более посильное и доходное место. Да вот, видимо, не задалось!

Что с ним случилось, и почему молодой и полный сил священник ковылял едва ли не последним? Этого Никита не знал и вообще думал о другом. О том, чтобы товарищ скорее прошел мимо. Потому что сейчас Никита мог бы идти рядом, если бы тоже пошел в крестный ход. Но он решил остаться дома, чтобы лучше подготовиться к экзаменам, и теперь, глядя на паломников, все отчетливей понимал, что главного из них — на любовь к Богу и ближнему — не сдал.

— Так мы едем или нет? — вслед уходящей колонне повторил свой вопрос любитель шашлыков.

— Или подождем, когда они пойдут обратно? — поддержал его кто-то из друзей.

Парни загоготали.

— Задолбали! — еле слышно, где-то рядом произнес незнакомый голос.

Никита обернулся и увидел мужчину, которого, судя по аккуратно подстриженной бороде и статному виду, можно было принять за профессора или «айтишника». В любом случае, человека просвещенного и понимающего, что паломники не заслуживают подобного отношения.

— Спасибо, что одернули их, — почти глазами сказал Никита, решив, что слова мужчины были адресованы веселой кампании.

— Не они, а вот эти! Реконструкторы несчастные!

Мужчина кивнул в сторону паломников.

— Почему реконструкторы?

От неожиданности Никиту как будто окатили ушатом холодной воды.

— А ты посмотри на них, — ухмыльнулся мужчина. — Отпустили бороды до пупа, напялили лохмотья из бабкиного сундука, уперлись глазами в асфальт и топают. Как будто туда, куда они идут, нельзя доехать на машине. А между тем, в обычной жизни, никто из них в таком виде не ходит. Например, вон та девица!

«Профессор» показал на девушку в длинной до пят юбке и сбившемся на бок платке, которая остановилась на обочине, чтобы сделать селфи на фоне паломников.

— Да она даже повязать платок толком не может, а все туда же, — с неприязнью произнес мужчина. — Сейчас запостит свою фотку, напишет какую-нибудь глупость, и будет считать «лайки». Вот я и говорю — реконструкторы, притворщики, потеряшки.

Никита улыбнулся.

— Потеряшки? Почему?

— Потому что потерялись во времени.

— В каком смысле?

«Профессор» смерил Никиту взглядом, прикидывая, способен ли тот понять, что он собирается сказать.

— Тут важно определить исходный файл ... — начал он.

«Наверное, все же айтишник», — подумал Никита, однако незнакомец в очередной раз удивил.

— Ведь человек — грешен. Так?

Никита как бы нехотя пожал плечами.

— А раз так, значит, ждать от людей ничего хорошего не приходится. Будущее человечества или туманно, или ужасно. Поэтому все так называемые «православные» — попутчик известным жестом закавычил последнее слово — так его бояться и хватаются за прошлое и остальных тянут туда же.

Никите было непонятно, чем попутчику не угодило прошлое. Он всегда любил историю, уроки которой старался не пропускать.

— Чем же это плохо?

— Тем, что, хотя прошлое и кажется более предсказуемым, но жить им нельзя. Это все равно, что идти вперед с повернутой назад головой. Как не старайся, все равно упадешь. Но эти, — мужчина кивнул вслед паломникам, — все равно топают и топают, а мы из-за них на солнцепеке в железной коробке паримся. Вот я и говорю — задолбали!

Мимо автобуса, замыкая колонну, медленно проехала полицейская машина.

— Ну, что? Последнего попа все видели? — громко, чтобы все услышали, произнес «профессор».

По салону покатались смешки.

— Тогда, командир, запрягай и вперед! А то у ребят шашлындос прокиснет! Да и мы не бездельники. Не всем же без дела шататься!

Последний камушек снова был брошен в огород паломников. Никита хотел было возразить, но тут водитель закрыл двери. Автобус заурчал, вздрогнул, тронулся и под одобрительные возгласы пассажиров покатыл к следующей остановке.

Солнце спряталось за тучи. Свежий ветер, ворвавшись в окна, освежил салон, и уже вскоре пассажиры забыли о том, что их так волновало. Молодежь привычно травила анекдоты. Садоводы обсуждали капризы погоды. Мамочки пытались урезонить детей. Все как обычно. Как будто не было ни долгого ожидания, ни встречи с паломниками.

За всем этим Никита на какое-то время забыл о своем собеседнике, а когда вспомнил, в автобусе его уже не было. Наверное, вышел на одной из остановок.

— И все же интересно, кто он такой? Хотя, православным, конечно, его не назовешь. Скорее, наоборот. Да и что означает слово «православный»? Того кто ходит строем и хочет жить по «Домострою» или все же нечто большее?

Никита вспомнил слова незнакомца.

— Идти вперед с повернутой назад головой. А ведь точно подмечено! Пожалуй, надо будет обсудить это с Юркой. Интересно, что он скажет?

Автобус подъехал к нужной остановке. Никита дождался, когда дверь откроется, весело сбежал по ступенькам, достал телефон и набрал номер друга.

Глава 2. Неожиданная находка

— Дурак твой «профессор»! Хочешь знать почему?

Юрка сунул руку в карман подрясника, достал новенький, пахнувший клеем диплом и потряс над головой.

— Потому что он любитель, а мы профессионалы!

Со стороны это выглядело весьма эпично. Поскольку после выпускного друзья в порыве чувств забрались на лестницу, которая вела на вершину главного городского холма, и теперь Юркин диплом гордо сверкал в лучах июльского солнца над всем городом.

Почему Юрка вспомнил о том разговоре именно сегодня? Может потому, что, хотя прошел целый месяц, но времени для того, чтобы обстоятельно поговорить, так и не нашлось. Сначала навалились экзамены, затем дипломная работа, которая подобно Крещенским морозам выжала последние соки и окончательно превратила выпускников семинарии в сухие, но прочные деревья. На радость отцам настоятелям, уже давно имевшим на молодое пополнение свои планы. Все это понимали, и Никита тоже. А вот как это связано с разговором в автобусе, не догадывался.

— Так в этом вся фишка! Мы в церкви работаем, а твой «профессор» ходит в нее. Как бы это сказать? — замялся Юрка. — По необходимости! Когда ему чего-то нужно, и потому требует, чтобы «услуга» была оказана качественно.

— В смысле?

— Ну, чтобы, — друг начал загибать пальцы, — в храме было чисто, свечки дешевыми, хор пел красиво, все ему улыбались, каждый прихожанин был богословом, а священники — те и вовсе святыми.

— Честно говоря, я сомневаюсь, что он, вообще, ходит в церковь, — признался Никита.

— Однако это не мешает ему обо всем судить, — парировал друг. — Видите ли, ему не нравится, что православные хватаются за прошлое! А за что им еще хвататься? К тому же нам, «профессионалам», надо питаться! И мне, скажу прямо, абсолютно все равно, за что будут хвататься будущие прихожане. Лишь бы было, на что свечки покупать.

Никита вспомнил картину из детской Библии, на которой Христос протягивал руку тонущему апостолу Петру, и подумал, что вот и ответ — держаться надо за Христа. Но друг неожиданно сменил тему.

— Ну, что? Наперегонки?

Юрка обвел взглядом лестницу, нагнулся поправить шнурок и пулей бросился вверх. Никита кинулся следом, стараясь шагать через ступеньки, которым, казалось, не будет конца. Хотя оба знали, что в лестнице их сто сорок шесть и, чтобы одолеть их вот так, на одном дыхании, надо быть выпускником института физкультуры, а не семинарии.

Вот еще один пролет позади! Как все-таки жарко! Даже для Иванова дня. И полы подрясника на бегу так и норовят попасть под ботинки.

— Ну, все! Хватит! Сдаюсь! Твоя взяла!

Никита встал, оперся руками о колени и попробовал отдышаться.

— Ого! А это откуда?

Мимо по ступенькам пропрыгал футбольный мяч.

Никита поднял глаза и в верхней части лестницы заметил веселую компанию — юношу и двух девушек, спешивших к пляжу за монастырем. Там, где река, делая крутой поворот, огибала песчаную косу, играя на солнце миллионами бликов. Юрки нигде не было. Интересно, куда он запропастился? Ведь еще пару пролетов назад его подрясник мелькал перед глазами и вдруг исчез!

Никита сделал шаг в сторону, чтобы пропустить молодых людей, и уже за спиной услышал, как юноша что-то сказал, и спутницы засмеялись. Что он сказал, расслышать не удалось. Однако то, что девушки смеялись над Никитой, было ясно и без слов. И поделом! Поскольку в жаркий летний день в длинном подрянике, покрасневшийся и запыхавшийся он выглядел, действительно, странно.

Никита проводил компанию взглядом и краем глаза заметил Юрку, который стоял рядом с лестницей на крутом, поросшем травой склоне и делал пассы руками, звал к себе.

— Ты как там оказался?

— Потом расскажу! — почему-то шепотом ответил друг и, оглянувшись по сторонам, добавил. — Смотри, что я нашел!

Юрка почти силой затянул Никиту под лестницу и раздвинул кусты руками.

— Вот!

Перед друзьями среди зарослей осоки огромным пятном чернел провал. Как будто кто-то большой и сильный решил расписаться на склоне оврага и обмакнул перо в чернила, но тут другой великан толкнул его в спину, рука дрогнула, и он поставил кляксу.

В верхней части провала земля осыпалась сильнее, обнажив остатки деревянного свода, заглянув под который, Никита ощутил запах сырости и легкий сквозняк. Значит, это была не яма, а прорытый в земле туннель. Глаза товарища сияли так ярко, что, заглянув в провал, Юрка, наверняка, смог бы его осветить. Не верилось, что они нашли один из подземных ходов, о существовании которых в их городе говорили многие. Однако никто ничего подобного не находил. И вдруг такое!

Никита вспомнил о смартфоне, включил фонарик и заглянул в провал.

— Что там?

— Пока ничего не видно. Надо бы...

Никита не договорил, потому что, едва он уперся локтем о край ямы, земля дрогнула, просела, и он поехал вместе с ней вниз. Словно на другом конце туннеля кто-то включил огромный насос и втянул незадачливого археолога под его своды.

Ощутив под ногами опору, Никита поднялся и посветил фонариком. Сомнений не осталось. Это был самый настоящий подземный ход! Достаточно высокий, чтобы идти в полный рост, и широкий, чтобы можно было разойтись. Как далеко он протянулся, понять было невозможно. Но, сколько хватало света, было видно, что туннель не заканчивается и постепенно забирает вверх к поверхности земли.

— Ты там живой?

В луче света появилась Юркина голова, вокруг которой засиял солнечный нимб, словно друга канонизировали. Никита улыбнулся.

— Ну, раз, лыбишься, значит, жив!

Юрка нырнул в провал.

— Ого! Как тут интересно! — он включил фонарик и посветил в темноту. — А ну-ка, что там впереди?

Однако не успел Юрка сделать и пару шагов, как сначала издалека, а затем все ближе послышались шаги, земля над головой задрожала и посыпалась на плечи друзей вперемешку с комочками мха и трухи. Юрка пулей отпрянул назад. Шаги постепенно удалились и стихли.

Никита привстал на цыпочки и выглянул из ямы.

— Футболисты! Тренируются, наверное.

Внизу в огромной чаше оврага находился стадион. Долгое время он стоял заброшенным. Однако не так давно одна предприимчивая пара решила вдохнуть в него жизнь. Засеяла поле травой, нанесла разметку, накупила мячей, и стадион ожил! В жителях соседних кварталов проснулся олимпийский дух. Повсеместно стали возникать дворовые команды, изнуряя себя тренировками, в которых приовражная лестница служила тренажером.

— Ага! Тогда все понятно!

Юрка задумчиво почесал затылок.

— Что понятно?

— Понятно, почему ничего не было и вдруг на тебе! — не особенно подбирая слова, ответил друг, но Никита и так понял, что тот хотел сказать.

— Удивительно, как тут еще не все обвалилось!

Никита провел рукой по своду, пытаясь найти трещину, но тот был хотя влажным, но крепким.

— Вроде выглядит надежно?

— Надо бы тут лучше осмотреться, — согласился Юрка. — Вдруг найдем что-нибудь интересное?

— Клад?

— А что? Пусть даже несколько монет. Знаешь, сколько за них могут дать? До конца жизни хватит!

— Прямо-таки до конца?

— А то!

— А если все это, — Никита осветил свод фонариком, — ка-а-а-ак обвалится и прямо...

— ... по башке, — закончил Юрка.

Друзья помолчали, хмыкнули и засмеялись.

— Видел бы ту свою рожу! — хохотал Юрка, вытирая слезы. — Ой! Простите! Не рожу, а лицо! Нет! Берите выше, не лицо, а лик!

— Ты сам-то свой лик видел?

Никита выпучил глаза и изобразил испуганного товарища.

— Пожалуйста, ржите потише! — не унимался Юрка. — А то прямо сейчас все рухнет.

— Сами ржите потише, Ваше будущее Высокопреподобие!

Никита почему-то решил обратиться к товарищу как к будущему священнику.

— Ваше Преосвященство! — поправил друг.

— Ого! Куда мы метим!

— А почему бы и нет?

Юрка принял важную позу, изобразив из себя правящего архиерея, и уже совершенно серьезно спросил.

— Так что? Рискнем?

Никита пожал плечами.

— Как благословите, владыка!

— Тогда замечано! — по-деловому подытожил друг. — Сегодня все равно не получится. Впереди служба. Если ее пропустить, отец Сергей практику не зачтет. А это кранты! — Юрка выразительно провел ладонью по горлу. — Но попробовать стоит! Может, завтра? Ты возьми лопату, а я принесу фонарь. Вот и разведем, что к чему. Идет?

Друзья ударили по рукам и разошлись, на всякий случай прикрыв яму ветками сирени, что росла на склоне оврага. За всеми событиями забыв, что человек предполагает, а Бог располагает. Причем порой совсем не так, как было задумано.

Глава 3. Зачем люди женятся?

Однако ни завтра, ни послезавтра друзьям встретиться не удалось. Накатали экзамены и за ними вручение дипломов, во время которого архиерей непривычно жал выпускникам руку и советовал «определиться со своей второй половиной». На что семинаристы кивали головами и озирались по сторонам. Словно будущие матушки роились вокруг, как комары на исходе дня и, чтобы выхватить одну из них, нужно было только протянуть руку.

Между тем, время шло. Кто-то по-прежнему валял дурака, а вот Юрка, наоборот, успел несколько раз объясниться в любви и каждый раз получить от ворот поворот. Что же касается Никиты, он не спешил. Жениться, чтобы получить назначение на приход — в этом была какая-то неправда. Говорят, стерпится — слюбится. А если не слюбится, и тогда ты сделаешь другого человека несчастным. Кому это нужно? Богу? Впрочем, у друга на это был свой ответ.

— Ты пойми! — Юрка почему-то решил, что может выступить в столь деликатном вопросе наставником. — Рай в шалаше — это ненадолго! Только до первых холодов. А ходить до ветру на морозе — удовольствие не из приятных. Тут одной любви мало. Потому что ни дом, ни теплый туалет из мечтаний не построишь. Тут нужны кирпичи, а, значит, деньги и должность, положение, власть!

Войдя в раж, Юрка ткнул пальцем в небо, как будто хотел его проткнуть, и заключил:

— Так что, брателло, перестань блажить и найди мудрую и практичную бабу, которая сможет это оценить.

Никите подобные откровения были неприятны, и ему отчаянно захотелось поддеть своего «наставника».

— И как? Уже нашел?

— Пока нет. Но ведь мы знаем, — Юрка стряхнул пыль с воображаемого фрака и пропел, — кто ищет, тот всегда найдет!

— А если не найдешь? — не хотел отступать Никита. — Или вдруг твоя «мудрая и практичная баба» возьмет да бросит тебя? Со всеми твоими «кирпичами».

— Это почему?

— Например, захочет большой и светлой любви.

— Ну, тогда, — помрачнел Юрка, — пусть идет до ветра!

— А ты?

— А я стану монахом или даже архиереем! — нашелся друг. — Тогда вызову тебя к себе, припомню этот разговор и пошлю куда подальше. На самый далекий и бедный приход. Чтобы впредь не задавал глупых вопросов.

Увидев, что товарищ стушевался, Юрка рассмеялся.

— А ты все еще сохнешь по своей зеленоглазой?

Никита отвел глаза.

— Так она же некрещеная!

Последнее прозвучало, как приговор, и в переводе на язык семинариста означало примерно следующее: «Если твоя избранница некрещеная, то венчаться с ней нельзя. А раз так, то ни диаконом, ни священником не станешь, и придется тебе до старости подавать кадило. Со всеми вытекающими из этого последствиями».

К счастью, прозвенел звонок. Разговор так и остался не законченным. Со временем колкие слова забылись, и дружба обрела прежнюю силу. Однако ни тот, ни другой своего мнения не переменили. Никита не перестал мечтать о своем «зеленоглазом чуде». Вспоминая день, когда они встретились, и надеясь, что встреча была неслучайной. Однако прежде, чем о ней рассказать, следует хотя бы в нескольких словах описать город, в котором это произошло. Бесконечно похожий на сотни других городов и все же не лишенный собственного лица.

Глава 4. Хлынов, Вятка, Киров

Город, в котором жили друзья, находился в тысяче километров от столицы и был таким старым, что сменил несколько имен. Впрочем, ни одно из них не было забыто. Все они были в ходу, и всплывали на поверхность, как субмарины, в зависимости от того, что жители хотели сказать или подчеркнуть.

Например, когда местные экскурсоводы хотели поразить высоких гостей древностью города, они называли его Хлыновом. Тогда в ход шли названия полные местного колорита — Балясково поле и Кикиморская гора, Ветроум и Филейка, Засора и Вздериha.

Однако это нравилось не всем. Простецкие названия резали слух. Особенно людям интеллигентным, которым деревянный Хлынов казался слишком грязным и примитивным. Отчего они предпочитали называть город Вяткой, по имени реки, на которой он стоял. И лишь в исключительных случаях величали его Крутогорском или Глуповым. Поскольку город стоял на крутых холмах, и местным чиновникам не раз удавалось отчебучить что-нибудь из ряда вон выходящее.

Каждое из этих названий имело своих сторонников, споры между которыми длились десятилетиями. Однако в итоге победило другое. Навязанное извне, никак не связанное с историей города и потому со временем превратившееся в простой набор букв, лишенный всякого смысла, но зато привычный — Киров.

В окружении Никиты большинство семинаристов стояли за Вятку и Хлынов. Что было понятно, поскольку после последнего переименования почти все городские храмы в нем были закрыты и разрушены. А вот Юрка неожиданно удивил, однажды сказав, что до всех этих споров, ему нет дела, и он готов согласиться с любым названием, лишь бы от всего этого ему самому была польза. Хлынов, Вятка, Киров. Да какая разница! С какой курицы бульон жирнее, та и лучше. Что тут непонятно?

Собственно, в этом был весь Юрка, который родился и вырос далеко от областной столицы, в одном из дышащих на ладан северных поселков, и потому на родной для Никиты город смотрел прагматично. Как смотрит крестьянин, что привез на рынок свой товар: если его купят — значит, и город хорош, и жители хороши, а не купят — да, ну их в баню!

В итоге прожив в областном центре несколько лет, Юрка так и не обзавелся любимыми местами, не прикипел к нему сердцем. В отличие от Никиты, который наизусть знал каждый квартал. Особенно в самой старой, прибрежной части, стиснутой с двух сторон глубокими оврагами с такой силой, что она была похожа на огромную подушку, взбитую чей-то сильной и уверенной рукой.

Четыре на пять — двадцать кварталов. Было время, когда весь город умещался на этом пятачке. Почему-то с детства, сколько помнил себя Никита, его тянуло именно сюда. Чтобы пройти по набережной, которая еще помнила разрушенные храмы. Полюбоваться с высокого берега бескрайними просторами, за которые город так и не решился шагнуть. Весело сбежать по улице Казанской к Трифонову монастырю. Сделать круг по Монастырской слободке, завернуть на Кикиморскую гору. Спуститься к Засорному оврагу и старым кузням, чтобы затем по Царевской снова подняться на главный городской холм. Пересечь Спасскую, Преображенскую и Пятницкую улицы с такими близкими сердцу названиями. Прогуляться по Ветроуму, у Устюжской часовни свернуть к Александровскому саду и до вечера бродить по его аллеям. Пока колокол Кафедрального собора не возвестит о вечерней службе.

Глава 5. Сретение

Именно так все и было. В тот день, когда они встретились. На Сретение. Кажется, это был четверг? Да, точно, четверг!

Вечерняя служба закончилась. Стемнело. Никита вышел из Трифонова монастыря и на этот раз решил идти домой не привычным маршрутом, а пройти берегом Вятки. Почему? Возможно, виной тому был снег, на удивление крупный и пушистый, который всего за несколько минут превратил украшенную фонарями набережную в сказочную Нарнию. Так, что, если бы во время прогулки навстречу попала пара барсуков, неспешно идущих под руку и мило беседующих о том и сем, Никита этому не удивился бы. Ну, если только чуть-чуть.

Впрочем, может виной тому был вовсе не снег, а сам праздник Сретения, название которого означает встречу, которая в жизни Никиты пока все еще не состоялась. Почему? Что он делал не так? Не потому ли, что хотел чего-то другого? Неужели монашества? Мысль показала столь неожиданной, что Никита остановился. И как только такое могло прийти в голову? Что если ему суждено всю жизнь вот так, одиноко, бродить по своей Нарнии?

Навстречу попала молодая пара, юноша и девушка. Следом еще одна. Смеющиеся, счастливые, влюбленные.

— Ну, конечно! Как же я мог забыть? Ведь сегодня Валентинов день! День влюбленных. Вот все нормальные люди и ходят парами. Один я ... — Никита попытался вспомнить нужное имя, — ... мистер Тумнус! Одиноким фавн или, проще сказать, козел. Вот это будет точнее!

Никита наклонился, зачерпнул пригоршню снега, слепил снежок, прицелился и запустил его в щит с рекламой нового автомобиля, поставив счастливому владельцу машины роскошный фингал.

— Интересно, чем провинился этот джентльмен?

Никита обернулся. Перед ним стояла девушка в белом полупальто и берете с большим, пушистым помпоном и пыталась спрятать улыбку в шарф кораллового цвета, который удивительно шел ее зеленым глазам. Откуда она взялась? Ведь еще мгновение назад никого не было!

— Вы смотрите так, словно увидели привидение! Не бойтесь! Я не привидение, а обычный человек.

Незнакомка взяла руку Никиту и попыталась согреть озябшие пальцы.

— Ну, что же Вы молчите? — девушка улыбнулась. — Ага! Кажется, я поняла! Вы не умеете говорить?

Позже, вспоминая их встречу, Никита не раз удивлялся тому, как просто и естественно все произошло. Но тогда он растерялся и, молча, замотал головой.

— Значит, я угадала! Вы — немой!

Не в силах перечить своей новой знакомой, Никита кивнул и добавил:

— Зато я умею слушать.

— Это я уже поняла.

Девушка надела варежки, поправила шарф и так, словно они были уже давно знакомы, спросила:

— Куда пойдем?

Все это было похоже на сон. Добрый и светлый, но абсолютно нереальный в том мире, в котором Никита уже несколько лет жил и с которым хотел связать свою судьбу. Не потому что в семинарии не было девушек, или встречи с ними были запрещены. Вовсе нет. Просто, узнав о том, что перед ними семинарист и, возможно, будущий священник, девушки вели себя по-разному. Одни тут же смущенно хихикали и отходили в сторону, чтобы затем выразительно покрутить пальцем у виска. Другие же, наоборот, с разбега бросались на шею, опасаясь, как бы кто другой не похитил доставшееся сокровище и все связанные с ним перспективы.

Как будет на этот раз? Узнала ли в нем незнакомка семинариста, и, как поведет себя, когда узнает? Вопросы теснились в голове, но Никита решил — будь, что будет, и неловким жестом предложил спутнице пройти по набережной вдоль ограды женского монастыря. Сам же чуть приотстал и незаметно ушибнул себя за руку.

Нет! Это был не сон! Все происходило наяву, здесь и сейчас и, главное, обещало продолжение. Конечно, если он перестанет вести себя как неотесанное полено. Однако легко сказать! Как найти тему для разговора, когда вы едва знакомы? О чем говорить? Как выразить то, о чем стучит твое сердце, когда простые слова, кажется, бессильны это передать? И тогда негромко, в полголоса, Никита прочитал:

*Пахнет в доме грибовницей,
наклонился день к вечеру.
За окном Вятка скромница,
молода и застенчива.
Двухэтажные улочки
словно дочки на выданье.
Все дворы, переулочки
белый снег вымел, выбелил.*

Никита замолчал и краем глаза посмотрел на свою спутницу. Ну, вот! Сейчас, покрутит пальцем у виска и уйдет.

Но девушка не ушла.

— Твои? — она первой перешла на «ты».

— Так, одного знакомого, — не решился признаться Никита.

— Почитай еще!

*Зазвонили ко всенощной,
и душа успокоилась.
В печке квасится хлебушек,
пахнет в доме грибовницей.
От Засоры до Гласисной,
от Покрова до Сретенья
ты — предчувствие праздника,
и другую не встречу я.*

— Предчувствие праздника, — повторила незнакомка. — Хорошо сказано! Светло!

— Спасибо! — поблагодарил Никита и тут же спохватился, что выдал себя.

Раздался телефонный звонок.

— Извини, надо ответить.

Спутница достала из кармана пальто мобильный телефон в стильном чехле и ловко провела пальцем по экрану.

— Привет! Нет, не дома. Гуляю. С кем? — она посмотрела на Никиту и улыбнулась. — С одним интересным молодым человеком. Что делаем? Читаем стихи. Да, представь себе, такое еще бывает. Нет, не долго. И тебя тоже!

Телефон снова исчез в кармане пальто. Никита не смог удержаться от вопроса.

— Родители?

— Так, один знакомый, — ответила незнакомка теми же словами, что и Никита, и улыбнулась, дав понять, что сразу раскусила его хитрость, а затем огорошила признанием.

— Жених.

— Жених? — удивленно выдохнул Никита, а сам подумал, что вот и конец, а как хорошо все начиналось!

Поймав его взгляд, девушка добавила.

— Это он сам так решил. Уже и кольца купил, и даже дату назначил.

— И когда свадьба?

— 22 августа. Пятница и к тому же день его рождения... Чтобы дважды стол не накрывать... в Москве все так дорого.

— Так он москвич?

Незнакомка развела руками, словно хотела извиниться. Надо же! А Никита уже почти поверил, что... Какой лопух! А вот его спутницу, похоже, надо поздравить.

И все же что-то не складывалось. Ведь сегодня День всех влюбленных. Где же ее кавалер? Почему она гуляет одна? И разве таким тоном говорят о предстоящей свадьбе? Хотя, как знать... Может, они уже давно живут вместе, и свадьба — не больше чем формальность.

Чувствуя, что ему нечего терять, Никита остановился и неожиданно для себя самого спросил:

— Ну, ладно! Это он так думает. А что думаешь ты?

Девушка не ответила.

— А знаешь что? Выходи за меня! — выпалил Никита первое, что пришло в голову, и уже приготовился услышать девичий смех. Но ответом была тишина, настолько оглушительная, что было слышно, как падает снег. А затем прозвучало:

— Тогда нам надо познакомиться поближе.

Никита не поверил своим ушам. Если бы кто-то сказал, что такое возможно, в ответ, скорее всего, он сам покрутил бы пальцем у виска. И вот, оказалось, бывает!

— Кстати, мы пришли.

Девушка показала на дом, который, как корабль из тумана, выплыл из снежной пелены, и только тогда Никита заметил, что они стоят на мостике, соединяющем два склона оврага. Подобно тонкой нити, что связала их этим вечером. Тонкой, почти незаметной и все же реальной. И надо было быть полным идиотом, чтобы за нее не ухватиться. Пусть кому-то это могло показаться ненужной тратой сил.

И Никита ухватился!

— Ты сказала, нам надо лучше узнать друг друга. Тогда, может, сходим куда-нибудь? Например, завтра вечером?

Никита почти не надеялся, что незнакомка согласится, но она улыбнулась и протянула руку.

— Тогда до завтра!

Они простились и лишь, когда спутница дошла до конца моста, Никита вспомнил, что так и не узнал, как ее зовут. Он уже хотел окликнуть новую знакомую, но было поздно. Приветливо помахав рукой, девушка пропала в дверном проеме. Так словно это было сном или доброй сказкой, которые иногда случаются. Конечно, не каждый день. Например, на Сретение. Но вскоре оказалось, что может случиться и не такое.

Глава 6. Между первым и вторым

Весь следующий день Никита отчаянно торопил время. Даже лекция по истории тянулась бесконечно и казалась ничуть не интереснее остальных. Никита откровенно скучал и первым, конечно, это заметил Юрка.

За обедом в трапезной друг поставил поднос рядом и, едва студенты пропели «Отче наш», выпалил:

— Ну, давай! Рассказывай!

Никита попробовал отмолчаться, но друг не отступал.

— Я же вижу, ты не здесь! — Юрка бросил в суп пригоршню сухарей. — Обычно, когда отец Алексей о чем-то рассказывает, ты его глазами ешь, а сегодня зеваешь. Чуть челюсть не вывихнул. А это означает ... — он вытер рот салфеткой, поправил воображаемые очки и, изобразив старосту, прогнусавил, — что у Вас, юноша, возникла новая доминанта, которая мешает эффективно усваивать учебный материал. Короче, колись!

— Не здесь.

Никита бросил взгляд на товарищей. Не хотелось вот так, за обедом, между первым и вторым, делиться сокровенным.

— Да, ладно, брат!

Юрка подцепил соленый огурец и обвел взглядом однокурсников.

— Мы же одна семья, или я не прав?

На Никиту уставилось тридцать пар глаз.

— Да, нет! Правда! Ничего не случилось! — попробовал он отшутиться. — Утром поел грибов, вот живот и болит!

— Грибы это хорошо! — резюмировал друг.

Студенты снова уткнулись в тарелки, а Юрка подвинул к себе второе, наклонился к товарищу и вполголоса добавил:

— А вот врать другу не хорошо! Никакие это не грибы, а ... — он облизал косточку и бросил на край тарелки, — баба!

— Да, ну, тебя...

«Козел!» — хотел добавить Никита, но сдержался. Однако обед был окончательно испорчен. Даже булочка, специально испеченная поварами к празднику, не вызвала интереса.

— Не будешь? — Юрка взглядом показал на булочку и, не дождавшись ответа, протянул руку, завернул булочку в салфетку и, как ни в чем не бывало, улыбнулся.

— Ну, что? Молимся и идем?

Впереди были еще две пары, но идти на них не хотелось. Хотелось спать. Поскольку из-за праздничной службы никто не выспался. Впрочем, так было всегда. Иногда казалось, что распорядок дня в семинарии нарочно устроен таким образом, чтобы из всех желаний доминировало одно — спать! Самое естественное и невинное. Поскольку спящий, если и грешит, то во сне и, значит, не всерьез.

Теперь же, после обеда, глаза, вообще, закрывались. К тому же Никита знал, что друг привык добиваться своего и, значит, не отстанет. Объясняться же с ним не хотелось. Поэтому Никита решил воспользоваться случаем и, сославшись на нездоровье, «свалить». Однако сделать это незаметно не удалось. Потому что, когда он накинул пальто, бросил «до свидания» и выскочил за дверь, то на всем ходу уткнулся лицом в рясу с бархатными отворотами. Любой семинарист знал, что носить такую мог только один человек — митрополит Антоний.

Ноги стали ватными. Еще мгновение, и незадачливый беглец упал бы на крыльцо, но его подхватили чьи-то руки и поставили перед архиереем. Это был пожилой священник, с которым

митрополит когда-то учился в Академии, а сегодня служил в Кафедральном соборе. После трапезы владыка решил показать другу монастырь, и вдруг такое!

— Владыка! Да у Вас тут не семинария, а завод шампанских вин. Вот еще одна пробка вылетела!

Гость заботливо поправил на голове Никиты съехавшую шапку.

— Пожалуй, надо подсказать директору завода, чтобы крепили пробки понадежней, — поддержал друга митрополит и окинул Никиту взглядом, от которого у него уже на самом деле свело живот.

— Однако во всем нужна мера. Иначе может...

— ... пробку сорвать, — закончил священник. — Так что, как не крути, а придется, владыка, его простить.

Митрополит и гость посмотрели друг на друга.

— Итак, молодой человек, что надо сказать?

— Простите, владыка!

— А затем?

— Благословите!

Никита привычно сложил руки лодочкой.

— Ну, вот! Другое дело! — улыбнулся священник. — А теперь ступай и больше не бодайся!

Никита спустился с крыльца и бодро, пока ещё чего-нибудь не случилось, зашагал к выходу из монастыря. И вовремя. Потому что, стоило ему повернуть за угол, как дверь отворилась и в ней показалась Юркина голова. Постреляв по сторонам глазами и увидев, что Никиты нигде нет, друг снова пропал в дверном проёме. Пообещав себе непременно выяснить, что за история приключилась с его товарищем.

Глава 7. Аня

Аня приехала домой 14 февраля московским поездом, чтобы навестить маму и город, в котором она выросла, и который теперь ей снился и звал к себе. В Университете, где Аня училась на архитектора, заканчивались каникулы. До диплома было еще далеко, но зачетка уже уверенно работала на свою хозяйку. Появились первые заказы и с ними первые деньги. Пусть не большие, но достаточные для того, чтобы жизнь в чужом городе вошла в свою колею и начала приносить первые бонусы.

Одним из них стала встреча с Андреем или, как называли его друзья, Дрю. Коренным москвичом. Подающим надежды программистом. Совладельцем офиса в центре Москвы и хозяином собственной «трешки» на Малой Грузинской. Порой Аня и сама не понимала, чем смогла его покорить. Может тем, что, в отличие от других провинциалок, не сразу обратила на него внимание. Променять душу на квадратные метры внутри Садового кольца — такая перспектива никогда не казалась ей верной. Даже если поклонники крутили пальцем у виска, когда она закрывала перед ними дверь.

Также было и с Дрю. Но, в отличие от других, он вернулся. Затем еще раз. Снова и снова. Дрю каждый раз возвращался, и Аня постепенно начала привыкать к тому, что он рядом. С букетом цветов, квартирой и деньгами, без которых в Москве нехорошо. Не только девушке. Всем.

На Новый год Дрю познакомил Аню с родителями. Поднял бокалы с шампанским, родители воспитанно встали и ушли, оставив молодых вдвоем. Но он ее не тронул, а спустя несколько дней назад, когда в кафе Аня впервые разрешила за себя заплатить, неожиданно достал из кармана кольцо и сделал предложение. Ничуть не волнуясь. Слово уже давно знал и логин, и пароль. Одно слово — программист!

Другая, наверное, запрыгала бы от счастья, а Аня села в поезд и сбежала в родной город и так февральским вечером встретила Никиту и вместе с ним, словно, встретила прежнюю себя — романтическую и немного наивную. Какой была до переезда в Москву. И теперь пыталась понять, было ли это возвращением к себе настоящей или возвращением в прошлое, которого уже нет. Кто она — Анюта, как когда-то её называли друзья и родители, или без пяти минут архитектор Анна Штайн? А, может, красавица Энн с Малой Грузинской, в шаговой доступности от Кремля? Конечно, если ускорить шаг. Но это в будущем. Пока же беглянке хотелось покоя и еще, конечно, любви. Впрочем, кто же этого не хочет в двадцать лет?

И вот наступил вечер, когда они с Никитой условились встретиться. Не сказать, чтобы Аня совсем о нем не думала. Думала, но не всерьез. И к его предложению отнеслась также не всерьез. Да и могло ли быть иначе? Разве серьезный человек будет предлагать девушке выйти за него замуж, если даже не знает, как ее зовут?

Казалось, надо скорее об этом забыть и идти своей дорогой. Мало ли вокруг сумасшедших и пройдох? Но в том и дело, что новый знакомый не был похож на мошенника или больного. И это лишало покоя, заставляло Аню возвращаться к вчерашней встрече и выглядывать в окно, выходившее на тот самый мостик, на котором вчера они расстались.

Никита пришел вовремя, даже чуть раньше. Аня вышла не сразу, села у окна и стала ждать, что произойдет. Решив, что, если новый знакомый уйдет, она вычеркнет их встречу из памяти. Но Никита не ушел. Ни через полчаса, ни через час. Он преданно стоял и ждал. Ни сделав за это время ни одного звонка, ни выкурив ни одной сигареты. С букетом цветов, в легкой куртке, явно, не по погоде. Просто стоял и ждал, когда она придет, и, когда они, наконец, встретились, не сказал ни слова упрека.

Они гуляли до полуночи и лишь иногда, чтобы согреться, заходили в кафе. Никита рассказывал о старом городе. Аня внимательно слушала и ловила себя на том, что почти ничего

о нем не знала. Не знала, что овраг, возле которого она прожила столько лет, когда-то помогал поселенцам наблюдать за восходами солнца, вовремя начинать сев и собирать урожай.

— Откуда ты об этом знаешь? — спросила Аня.

В такое, правда, верилось с трудом.

— Просто, живу поблизости и не раз приходил сюда, чтобы встретить рассвет.

— И во сколько тебе пришлось вставать?

— Где-то в половине второго.

— В такую рань! Но зачем?

— Во-первых, это очень красиво...

— А во-вторых?

— Это интересно.

Никита смущенно пожал плечами, и Аня подумала, какой он все-таки странный! Просыпаться ни свет, ни заря, чтобы увидеть рассвет. Лишь потому, что это красиво и интересно. Как давно она ничего подобного не делала! А ведь когда-то именно по этой причине Аня решила стать архитектором — не ради денег или славы, а потому что это было интересно. И этот Никита — какой-то он впрямь странный? Или лучше сказать «интересный»?

Зазвонил телефон. Аня бросила взгляд на экран. Звонил Андрей. Как будто, находясь в другом городе, почувствовал, что может ее потерять. Андрей был настойчив, но Аня не стала брать трубку. Чувствуя, что его звонок или всего лишь одно слово может нарушить тот хрупкий покой, который обещала эта ночная прогулка.

Фонари гасли один за другим. Что поделаешь? В провинции приходилось экономить на всем. Когда Аня и Никита добрались до мостика, пришлось освещать дорогу фонариком, как факелом. Как будто на дворе было не новое тысячелетие, а новое средневековье. В подъезде также было темно, и Никите пришлось снова включить фонарик, чтобы проводить спутницу до дверей квартиры.

Аня протянула руку.

— До завтра!

Никита кивнул.

— Как договорились? В полдень?

Прошло время, а он все не уходил, стоял и держал ее руку в своей руке, и Аня подумала, что, если сейчас он решится ее поцеловать, она будет не против. Но он не решился.

Вспомнив о том, что он все еще не знает имени своей знакомой, Никита слегка пожал руку и представился:

— Никита Гостев!

— Анна Штайн! — ответила она, и они засмеялись. Может, оттого, как смешно это получилось, а, может, потому что им было хорошо вместе, и этой радостью хотелось поделиться.

Никита махнул рукой и сбежал вниз по лестнице. Аня проводила его взглядом и нажала на кнопку звонка.

Глава 8. Жизнь полна неожиданностей

На следующий день — это была суббота — Аня проснулась, когда стрелка на часах уже приблизилась к цифре двенадцать. Удивительно, что после вчерашней прогулки она, вообще, смогла оторвать голову от подушки.

Аня закинула постель одеялом, включила кофемашину и выглянула в окно и сразу заметила одинокую фигуру. Молодой человек стоял на мостике, навалившись грудью на перила и вглядывался вдаль. Туда, где овраг, сбежав к реке, сливался с ней в один бесконечный безмолвный простор. Незнакомец выпрямился, посмотрел на часы, знакомым жестом поправил шарф, повернулся и, заметив в окне Аню, помахал рукой.

Это был Андрей!

От неожиданности Аня опустилась на стул и села у окна, не обращая внимания на то, что кружка переполнилась, а машина продолжает наливать кофе. Она вспомнила, что вчера не ответила на звонок Андрея. Но зачем он звонил? Ведь на днях она и так собиралась вернуться в Москву.

Раздался звонок. Аня подошла к входной двери и прильнула к глазку, но увидела только огромный букет бордовых роз. Щелкнул замок. Дверь медленно приоткрылась. Последнее, о чем подумала Аня: «А что, если все-таки это Никита?». Но это был не он. Через пару часов маленький самолет взлетел в аэропорту с самоуверенным названием «Победилово», чтобы доставить Аню в Москву. Откуда она так и не смогла выбраться. Ни через неделю, ни два или три месяца спустя.

За это время снег сошел. Овраг покрылся зеленью. Такой яркой и сочной, что от нее рябило в глазах. Словно у художника во всей палитре не нашлось другой краски, и ему пришлось сделать мир зеленым. Жаль, что Аня этого не видела. Причиной чему были не только близкие экзамены, но также новость, которую привез с собой Андрей.

Аня уже давно искала работу в столице. Со временем это стало чем-то вроде навязчивой идеи. А как иначе? Не зацепишься — придется вернуться в провинцию, где у всех давно всё схвачено и, нет никаких перспектив. Поэтому «битва за Москву» шла нешуточная.

И тут, неожиданно, повезло! Причем снова не обошлось без Андрея, приятель которого задумал строить коттедж. Да не где-нибудь, а на самой Рублевке! Понятно, что в главные архитекторы пришлось нанять известного всей столице человека, а Ане досталась роль «архитектурного негра», которому предстояло выполнить за него всю работу. Конечно, не бесплатно, но главным было даже не это, а возможность показать себя.

Как удалось Андрею сосватать Аню на эту работу, неизвестно. Только приступить к ней следовало немедленно, и для этого уже в ближайшее воскресенье встретиться с заказчиком в одном из лучших ресторанов Москвы. Ради чего Андрей и прилетел за ней. Вечером они уже были в столице и вели переговоры. Похожие на смотрины, какие в прежние времена помещики, раз в год объезжая свои владения, устраивали крепостным девкам, успевшим за это время подрасти.

Смотрины прошли успешно. С тех пор Аня почти не вставала из-за стола. Особенно жаркой выдалась последняя неделя июня. Причем во всех смыслах. Поскольку стояла настоящая жара, и пешеходам, пробираясь по городу, приходилось выбирать теневую сторону улицы. К тому же экзамены совпали со сдачей проекта. Поэтому Аня вела войну сразу на двух фронтах. К счастью, и там, и там неприятель был разбит, и на её банковский счет впервые упала серьезная сумма.

Вспоминала ли она о Никите? Да. Но вскользь, как бы невзначай. На большее просто не хватало сил. Но теперь, когда заботы отпустили, не было дня, чтобы Аня не возвращалась

мыслями к их встрече. И еще не давал покоя вопрос, почему он не пришел? Ведь тогда все могло сложиться иначе!

Впрочем, могло ли?

Глава 9. Самое звонкое послушание

— Эй, на колокольне! Как там? Бога не видать?

Никита перегнулся через перила, чтобы увидеть, кому, на этот раз, церковь не дает покоя, но никого не заметил. «Должно быть, опять студенты балуются?» — подумал он и бросил взгляд через улицу на распахнутые окна музыкального колледжа, заметив, как в одном из них дернулась штора. Никита для остротки погрозил кулаком. Штора снова дернулась. Послышался девичий смех.

С тех пор, как Спасский собор стал Кафедральным, попасть на его колокольню мечтали многие. Такого набора колоколов, как здесь, не было во всей епархии, а самый большой из них — благовестник пел так протяжно и густо, что в соседних домах дрожали стекла. Что по понятным причинам нравилось не всем. Вот жильцы и старались при случае подколоть звонаря.

Однако к их шуткам Никита привык и не обижался. На колокольне ему нравилось буквально все. Сияющие на солнце колокола, до блеска натертые умелой рукой, с литыми иконами и надписями, набранными причудливой вязью, разбирать которые было так интересно. Крыши старого города. Вечно спешащие по делам прохожие, которые, заслышав колокольный звон, нет-нет, да поднимут голову и перекрестятся. И даже голуби, любившие задать звонарю лишней работы, не раздражали и казались маленькими ангелами, присевшими отдохнуть в тени огромной колокольни.

Учебный год закончился, экзамены были позади, диплом в кармане. Выпускники разлетелись по приходам, ожидая новых послушаний и рукоположений. Самые амбициозные из них уже сгоняли в столицу, забросили документы в Академию и теперь ждали вестей от приемной комиссии. На время отпуска старшего иподиакона Юрка был назначен на его место и теперь лез из кожи, чтобы оправдать возложенные на него надежды.

Никите же досталась колокольня Кафедрального собора. Самое звонкое послушание. Ну, что же! Тоже неплохо. Только жаль, что им с Юркой так и не удалось узнать, куда ведет подземный ход. По которому им удалось пройти всего десяток метров, пока дорогу не преградил завал. Увидев его, Юрка, кажется, даже перестал дышать. Затем сглотнул застрявший в горле ком, включил задний ход, вылез наружу и больше не возвращался.

Это случилось три дня назад, в Ильин день, а сегодня в шесть утра пришла смска: «Мы в Санаксарах. Вернусь завтра. Не теряй!». Что поделаешь? Такова доля старшего иподиакона, который, как нитка за иголкой, всегда следует за архиереем. На этот раз в Санаксары. Не близко, но зато как интересно!

Никита отложил метелку и обвел взглядом старую торговую площадь, которая с колокольни была как на ладони. Трудно поверить, что еще тридцать лет назад, Кафедральный собор стоял заброшенным и обезглавленным, с осыпавшейся штукатуркой и высунувшимися из-под кровли кирпичами, грозящими свалиться на голову случайным прохожим.

Сам Никита родился позже, но родители это застали. Более того, они в нем жили! Когда в обезглавленном храме располагалось общежитие пединститута. Можно представить, какое тут случалось веселье! Обо всем не расскажешь. Да и не надо. Может потому в начале реставрации в храме и случился пожар. Чтобы все, чему было суждено сгореть синим пламенем, сгорело, и храм очистился.

Кто бы мог тогда подумать, что Никита будет стоять на колокольне возрожденного собора и, шурясь от солнца, вглядываться вдаль. Задерживаясь взглядом на куполах воскресших церквей — Успенской, Никольской, Серафимовский, Предтеченской, Знаменской, Екатерининской, Федоровской, Макарьевской, Преображенской. Как жаль, что больше не сохранили, не сберегли.

— Кто это там, в начале квартала?

Никита пригляделся.

— Не может быть! Впрочем, почему не может?

По Казанской улице в горку к собору поднималась девушка, как две капли воды похожая на Аню. Да, это была Аня! В белоснежной, невесомой футболке и юбке цвета самой сочной травы. Стремительная и воздушная, необычайно летняя. Возможно, в это мгновение нужно было просто броситься по лестнице вниз. Но Никита поступил иначе — он перегнулся через перила и окликнул девушку по имени. Аня посмотрела по сторонам, но никого не заметила.

Вот она поравнялась с собором и, наклонившись к сидевшей на паперти старушке, положила в пластиковый стакан пару монет. Никита снова окликнул девушку, но проехавший мимо грузовик заглушил его крик. А вот в колледже его слышали. Судя по тому, что в распахнутом окне выстроились сразу несколько студенток, желавших знать, что будет дальше.

Заметив знакомую, Аня приветливо помахала рукой. Затем остановилась, достала телефон, задумалась, сбросила чей-то звонок и снова пошла, все дальше удаляясь вглубь квартала. Еще несколько шагов, и до нее было уже не докричаться.

Солнце играло на кровлях домов. Мама тянули за руку разомлевших малышей. Бабушки на скамейках вели бесконечные разговоры. Студентки замерли в окне. И даже голуби притихли, с интересом косясь на растерявшегося звонаря.

Позже Никита не раз удивлялся, как такое могло прийти в голову. В другой ситуации он никогда бы так не поступил, но Аня уходила и, возможно, навсегда. И тогда он решил действовать.

Никита встал под колоколами, перекрестился, сказал: «Прости, Господи!», взял в руки веревки, зажмурился и, стараясь не взять ни одной фальшивой ноты, сыграл то, чего Кафедральный собор за двести лет своей истории никогда не слышал. Но зато горожане знали. Все, от мала до велика, и Аня, конечно, тоже знала.

*Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам
И вода по асфальту рекой.
И не ясно проходим
В этот день непогожий,
Почему я веселый такой.*

Когда последний удар колокола растаял, Никита разжал пальцы и приготовился увидеть, если не конец света, то что-то вроде этого. Однако ничего не произошло. Город продолжал жить своей жизнью. Большинство прохожих не обратили на шалость никакого внимания. И только бабушки, забыв о внуках и раскрыв от удивления рты, смотрели на звонаря, который, по их мнению, сошел с ума.

Маленькая девочка, которую мама — по такой-то жаре! — затащила на главный городской холм, запрокинула голову и ткнула в Никиту маленьким, игрушечным пальчиком:

— Мама! Смотри! Чебуласка!

Раздались аплодисменты, и за ними девичий смех — это студентки оценили экспромт находчивого звонаря. Но Никите было не до них. Он пристально вглядывался в другой конец квартала, где остановилась девушка в белой футболке и, прикрыв глаза ладонью, смотрела в сторону колокольни, пытаясь понять, что там происходит.

Никита привстал на цыпочки и помахал девушке рукой. Она помахала в ответ. Никита бросился к лестнице, пулей слетел на три пролета, пробежал по притвору и уже был готов потянуть на себя ручку входной двери, как неожиданно за спиной услышал:

— Ну, здравствуй... Чебурашка!

Это был ключарь. Убеленный сединами митрофорный протоиерей, положивший половину жизни на восстановление Кафедрального собора.

— Куда это ты собрался?

Никита поднял глаза и увидел, что ключарь с трудом сдерживает улыбку. — Так куда спешим, молодой человек?

Никита собрался с духом и уже решил обо все рассказать. Как вдруг входная дверь распахнулась и из нее, как птица из клетки, выпорхнула Аня и тут же замерла, не зная, что в такой ситуации можно и чего нельзя. Молодые люди обменялись взглядами.

— Получается, ты ей звонил? — по-прежнему пытаюсь быть серьезным, спросил ключарь.

Никита кивнул.

— А что по телефону нельзя было?

— У него нет моего телефона, — заступилась за друга Аня.

— Так дай ему свой номер! — ключарь снова добавил в голос металла. — Потому что, если такое повторится, я включу такой роуминг, что этот звонок станет последним. Надеюсь, понятно?

Молодые люди синхронно кивнули в ответ.

— Ну, вот и славно! — ключарь разгладил бороду. — А теперь бегите по своим делам, пока еще чего-нибудь не случилось.

Священник открыл дверь и слегка подтолкнул молодых к порогу. Остаток дня они провели в бесконечных разговорах. Так много нужно было рассказать обо всем, что пришлось увидеть и пережить. В том числе про подземный ход, который Аня согласилась не только посмотреть, но также проверить надежность всей конструкции.

— Не забывай, что я дипломированный архитектор!

Аня на прощание улыбнулась, и ее улыбка еще долго стояла перед глазами Никиты, когда он возвращался домой. Набережная была пустынной. Близился рассвет. Светлая полоска вдоль горизонта с каждой секундой становилась все ярче и шире, обещая погожий день. И на душе также было радостно и спокойно. Настолько, что Никите захотелось обнять весь этот мир и новый день, который при своем рождении был так прекрасен, что фонари казались гвардейцами, застывшими в почетном карауле у его колыбели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.